

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ НЕВЫРАЗИМОГО

© М. Ю. Михайлова

*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
Россия, 443099 г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.**Тел.: +7 (846) 269 64 19.**Email: marinamikhailova44@gmail.com*

Статья представляет собой обзор истории изучения невыразимого в разных науках и различных исследовательских парадигмах и определение актуальных перспектив дальнейшего исследования названного значения. Невыразимое привлекает внимание философов, искусствоведов, семиотиков, литературоведов, лингвистов. Показано, что наиболее разработано невыразимое в литературоведении, особенно при характеристике романтического направления в литературе и пересекающихся с романтизмом явлений. В литературе невыразимое наиболее обширно представлено в поэзии. Среди литературоведческих направлений – в романтизме, модернизме, символизме, постмодернизме. Природа невыразимого исследуется в искусстве и культуре, в частности, в орнаментике и музыке. Традиция воплощения невыразимого идет от древнерусской словесности, фольклора. В лингвистике данное значение исследуется в семиологии, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, этнокультурном аспекте. В статье дается характеристика семантики невыразимого как самостоятельной функционально-семантической категории, показано, что в настоящее время утверждена иерархическая природа плана выражения данной категории, определены средства ее передачи. Наибольшее освещение получили местоимения как средства передачи невыразимого. Обзор актуальных проблем изучения семантики невыразимого показал, что данный вопрос в лингвистике находится на стадии накопления материала.

Ключевые слова: *невыразимое, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое значение, семантическое поле.*

Согласно «Современному толковому словарю» А. Ф. Ефремовой, невыразимое – это то, что трудно передать словами [70]. Польская исследовательница невыразимого М. Кита противопоставляет понятия «невыразимого», «невыражаемого» и «невыраженного»: невыразимое – то, что не имеет названия; невыражаемое – культурно опосредованный конвенциональный компонент; невыраженное имеет разовый, единичный характер [83, с. 101]. В такой трактовке учитываются три ипостаси человека говорящего (Homo Loguens), его три основные роли как субъекта коммуникации, культуры и языка.

Значение невыразимого следует признать языковой универсалией, понятийной категорией, актуальной, возможно, со времени возникновения человека говорящего (Homo Loguens), с тех пор, как Homo Loguens начал передать свои мысли, чувства, желания при помощи речи. Спустя некоторое время оказалось, что универсальный механизм речи человека все же оказывается неспособным передавать мысли, чувства и желания человека в каких-то ситуациях, в определенных сферах человеческой деятельности.

Анализ показал, значения невыразимого как характеристическая черта имманентно присущие двум сферам, это 1) мир трансцендентального и 2) внутренний мир человека. Остальные сферы репрезентации значения невыразимого как языковой универсалии являются производными от вышеназванных. Конкретизируем сказанное.

Мир трансцендентального составляют такие компоненты, как теизм, мир сакрального, «божественное начало мира» и «демонические проявления» [72, с. 294], мир предков (мертвых) / загробный мир.

Внутренний мир человека составляют его мысли, чувства, эмоции, мечты, желания. Это тоже непосредственно ненаблюдаемый мир, потому определяется сознанием человека как трудно подающийся выражению. Г. С. Сырица отмечает: «лексика с семантикой невыразимого чаще всего сочетается с эмотивной лексикой, связан-

ной с передачей внутреннего состояния [72, с. 294-295]. Говоря о доминантном положении мира чувств в значении невыразимого исследовательница ссылается на данные ассоциативного словаря: *невыразимая печаль, несказанное удивление, неописуемый ужас* [30, с. 490].

В связи с вышесказанным ср. примечательное замечание Л. И. Соболева о позиции русских поэтов-романтиков в отношении невыразимого: «Вслед за Жуковским и Тютчевым (...) Фет уже в ранних стихах утверждает невыразимость Божьего мира и внутреннего мира человека в слове» [69].

Помимо объективно существующей области невыразимых смыслов, сформулированной Ф. И. Тютчевым («Мысль изреченная есть ложь»), В. И. Карасик предлагает учитывать и субъективную невыразимость, обусловленную низким уровнем коммуникативной компетенции языковой личности. В связи со сказанным показателен пример из известного произведения В. М. Гаршина «Сказка о жабе и розе»: [О жабе] *Ей очень понравилась роза, она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И чтобы выразить свои нежные чувства, она не придумала ничего лучше таких слов: – Постой, – прохрипела она, – я тебя слопаю!* [30, с. 45].

О. И. Костикова предлагает к рассмотрению еще одну проблему, вопрос невыразимости в переводческой деятельности. Анализируя критическое исследование переводов на французский язык Анри Мешоника, исследовательница показывает, как критик обнаруживает проблему, напряжение в идее, «которую невозможно перевести, но которую нельзя не перевести» [36, с. 53]. О. И. Костикова раскрывает, как А. Мешоник провозглашает элитарность искусства и, в частности, искусства перевода. «Писать – значит вырывать невыразимое». Иначе говоря, невыразимое другими [85, с. 397].

Передача невыразимого в языковом плане активно репрезентируется своеобразным оксю-

мором «выразить невыразимое». Этот оксюморон обыгрывается, неоднократно переосмысливается в работах ученых и художественном дискурсе. М. Королько исследует, как при помощи отрицания «говорящий признается, что ему недостает или слов, или способностей, или голоса, или времени, необходимых для требуемого развития и представления темы. Экспрессию этой фигуры наполняет соответствующее сопоставление семантической структуры с жестом и мимикой» [84 с. 119].

Я. Деррида раскрывает алогизм оксюморона *выразить невыразимое*. В форме «мне недостает слов», говорящий фактически выражает благодарность: «Но ведь это признание я п р о и з н е с . Используя язык признаний, я обратился к Вам, сказав уже больше, чем одно слово. Выходя за принятую конвенцию и без единой риторической фигуры, я не только п р и з н а л с я , что мне может не хватать слов, но и одновременно выразил этот недостаток как вину, за которую и попросил Вас о прощении» [82, с. 45].

Симптоматичны и названия работ в данной области исследования, напр., название статьи В. И. Абрамовой «Невыразимо, но выражено (о специфике мотива «невыразимого» в лирике А. А. Фета)» [1]. Ср. с названием антологии «Невыразимо выразимое. Экфразис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте» [54]; А. Воротниковой «Выразимое и невыразимое в творчестве И. Бахман» [12]. Ср. с примерами из художественного дискурса: так, подборку стихов для публикации в журнале «Юность» А. Засыпкин называет «Заведомо невыразимое» [24, с. 108].

Категория невыразимого в настоящее время является предметом изучения в разных науках. Философские основания природы невыразимого уходят в глубь веков; в XX в. отражены в работе Л. Витгенштейна «Логико-философский трактат» [11], описаны в работах С. А. Гончарова [15], Е. В. Синцова [67] и других исследователей. В связи с философскими основаниями невыразимого Н. М. Азарова замечает: «прилагательные среднего рода являются типологической чертой русского философского текста, особенно первой половины XX в.: *невыразимое, непостижимое, родное и вселенское* и др.» [3].

Категория невыразимого служит предметом пристального внимания в литературоведении. Как отмечает М. Кита, «невыразимость введена в литературоведение как новая исследовательская категория» [83, с. 102].

В отечественном литературоведении невыразимое изучается 1) в связи с творчеством поэтов-романтиков XIX в. (В. А. Жуковского, Д. В. Веневитова, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, К. К. Случевского); 2) в связи с исследованием поэтики апофатки, см. работы С. А. Гончарова [15], М. Н. Эпштейна [78]. Попутно заметим, что хотя ученые не прибегают к понятию невыразимого, фактически рассматривают способы «выражения невыразимого», исследуя оппозиции «бытие – инобытие», характеризуя специфику апофатки. 3) В связи с изучением феномена молчания (Брунева [9]; Маркова [44]; Эпштейн [78]) и др. М. Н. Эпштейн в книге «Слово и молчание: Метафизика русской литературы» отмечает

ет: «Художественность – это *обремененность слова молчанием и обремененность молчания новым словом*, возможностью бесконечных толкований». И далее ученый поясняет: «Нашу книгу можно было бы так и назвать: «О чем молчит русская литература?». Речь идет не о секретах, которые она утаивает, но о тайнах, которыми она делится с нами, чтобы мы могли говорить ей в ответ» [78, с. 16].

Значению невыразимого в отечественном литературоведении посвящен ряд диссертаций (Абрамова [2]; Глушкова [14]; Лукинова [39]; Маркова [44]) и др. Как отмечает В. И. Абрамова, историки поэзии русского романтизма уделяли внимание либо отдельным стихотворениям, в которых присутствует мотив «невыразимого», либо отдельным хронологическим отрезкам эволюции этого мотива [2]. Таковы работы Г. А. Гувковского «Пушкин и русские романтики» [19], Ю. В. Манна «Поэтика русского романтизма» [43], Е. Г. Эткинда «Божественный глагол Пушкин, прочитанный в России и во Франции» и «Внутренний человек» и внешняя речь Очерки психоэстетики русской литературы XVIII–XIX вв.» [79–80], Е. А. Тахо-Годи «Константин Случевский Портрет на пушкинском фоне» [73].

Мотив невыразимого исследовался в книгах литературоведов Ю. Айхенвальда [5], В. А. Грехнева [18], А. Ю. Ипполитовой [28], В. Н. Касаткиной [31–32], Е. А. Маймина [40–41], Л. А. Озерова [56], К. В. Пигарева [57], В. Ф. Саводника [63], А. В. Чичерина [77], А. С. Янушкевича [81].

Невыразимое характеризовалось в литературоведческих статьях А. В. Азбукиной [4], А. Воротниковой [12], О. М. Гончаровой [16], Э. М. Жилияковой [20], А. И. Журавлевой [22], Б. П. Иванюка [26], В. Н. Касаткиной [32], Н. В. Королевой [35], Н. Я. Стечкина [71], В. Н. Топорова [75], Г. М. Фридлендера [76].

Анализ невыразимого содержат литературоведческие работы, посвященные таким литературным направлениям, как: 1) **романтизм** – в большой степени, как отмечает В. И. Абрамова, мотив «невыразимого» является одним из самых репрезентативных для романтической картины мира [2]; 2) **реализм**, содержащий элементы романтизма, либо эстетику романтизма. См., напр., исследования творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова [2]; 3) **символизм** как творческое развитие идей романтизма. Ученые отмечают, в частности, воздействие фетовской поэзии на творчество символистов – неоромантиков [62]. З. Г. Минц называет лирику школы А. А. Фета «предсимволизмом», указывает, что она впоследствии привлекала внимание символистов [45, с. 163]. Творческим кредо символистов было подсознательно-интуитивное созерцание тайных смыслов. При этом рациональная передача созерцаемых «тайн» невозможна. Как отмечал теоретик символизма В. Иванов, поэзия есть «тайнопись неизреченного» [25].

Н. Ю. Смолина, анализируя лирику А. Блока, замечает, что «дыхание» выступает как характерологическая черта мира «невыразимого», «небесно-божественного», знак его духовно-живого начала. Исследовательница полагает, что вектор движения «многомерного» художественного мира направлен от мира «зримого», «рукотворного» (цивилизации, полувившей символической)

ское воплощение в образе города, машины) через мир «зримый» природный («поле/луг/степь») к миру «незримому», «невыразимому» (В. А. Жуковский). При этом фономотив «дыхание» выступает фоносемантическим изводом, проявляя в мире «зримом» изначальные черты мира «невыразимого» [68, с. 257].

4) **модернизм**. Исследуя историю русской культуры в аспекте репрезентации волн литературоцентризма, И. В. Кондаков, в частности, отмечает, что центральным содержанием модернизма стало трансцендентное – мистическое («невыразимое», «чудесное», «киное», неуловимое» [34, с. 237];

5) творчество **ОБЭРИУтов**. По мнению Т. А. Терновой, ОБЭРИУ, будучи авангардным эстетическим объединением, осуществило окончательный разрыв отношений между искусством и жизнью, замкнуло творчество в рамках искусства. Соответственно, в отличие от модернистов и символистов ОБЭРИУты стремились не выразить невыразимое, а продемонстрировать невозможность этого [74];

6) **постмодернизм**, по-своему развивающий идеи и эстетику романтизма. Показательным в отношении передачи невыразимого здесь является художественный мир Ю. Буйды. Т. Г. Прохорова характеризует творчество Ю. Буйды как наиболее яркий пример «романтизма с постмодернистским уклоном» [61, с. 27]. Ср. с точкой зрения Н. Г. Бабенко, представленной в монографии «Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна» [7, с. 205].

Производной взаимодействия двух сфер презентации невыразимого (мира трансцендентного и внутреннего мира человека) является мир искусства. Высокие проявления искусства являются порталом в мир трансцендентного, возможности «проникнуть» в мир души, мир божественного. В такой примерно терминологии описываются сами произведения искусства и порождаемые ими психоэмоциональные результаты. Среди видов искусств невыразимое наиболее активно представлено в музыке, среди словесного искусства – в поэзии. Как показал анализ художественного дискурса, поэзия определяется носителями языка как изначально ориентированная на передачу невыразимого.

Природа невыразимого в искусстве и культуре исследуется Е. В. Синцовым [66–67]. Характеризуя жестко-пластические основания художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке, ученый отмечает, что в орнаменте и шире, в семиотике искусства, осуществляются механизмы кодирования знаками искусства бытия, в них происходит скатывание бытия в ничто, раскрывается изначальная связь с небытием как проявлением инобытия [67, с. 29, 31].

Интересное сопоставление словесного воплощения образов мистической реальности с принципами иконописи (категорией иконичности) осуществляет Г. В. Мосалева, анализируя рассказ И. С. Шмелева «Куликово поле». Исследовательница называет данный рассказ И. С. Шмелева опытом создания вербальной иконы России [52, с. 33].

Традиция воплощения Невыразимого или Неизреченного своими корнями уходит в древнерусскую словесность. «Область Неизреченного

характерна, прежде всего, для житийной литературы и связана с возможностью вербального выражения сверхъестественных откровений явлений в жизни святого» [52, с. 33].

В лингвистике значение невыразимого становится предметом пристального внимания с конца XX в. Г. С. Сырица отмечает широкий интерес к семантике невыразимого в семасиологии, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии [72, с. 294]. Сама исследовательница разрабатывает **этнокультурный** аспект семантики невыразимого, выявляя этнокультурную специфику анализируемого значения, описывает значительные потери смыслов при переводах контекстов, содержащих невыразимое, в частности, на немецкий и латышский языки [72, с. 295].

Об этнокультурном аспекте невыразимого попутно говорится в работе В. В. Колесова при характеристике перестройки понятийного уровня на основе национальных символов и личных концептуальных образов [33]. Репрезентация семантики невыразимого в фольклоре показана в работе М. Ю. Михайловой [48].

М. В. Пименова, изучая категоризацию эмоций в **наивной картине мира** как отражение русской ментальности, эмоциональный опыт человека в русском языке описывает через ненаучные категории испытания, переживания, чувства, способности, состояния, претерпевания. При этом выявляет и характеризует такие внутрикатегориальные классы чувства, как чувство-состояние, чувство-сознание, чувство-ощущение, чувство-эмоция, чувство-отношение, чувство-этика, чувство-испытание. Исследовательница показывает, что чувство-ощущение обладает особыми свойствами, среди которых: непонятность (*непонятное чувство; неизъяснимое чувство*), неосознанность (*неосознанное чувство*). Такое чувство иногда трудно назвать, выразить (*невыразимое чувство*), сложно классифицировать то, что относится к малоосвоенной области (*неопределенное чувство; непостижимое чувство; неясное / смутное чувство; подсознательное чувство; полусознательное чувство; труднообъяснимое чувство*), т. к. чувство есть объект и средство восприятия [58, с. 358].

Показательным является изучение процессов когнитивного моделирования и словесной репрезентации внутрителесных ощущений в междисциплинарном контексте, осуществленное А. Нагорной и названное «Дискурс невыразимого. Вербалика внутри телесных ощущений» [53].

Однако наиболее разработанной областью изучения семантики невыразимого в русистике является **лингвопоэтика**. Так, А. А. Серебряков в работе «Романтический текст в лингвопоэтическом аспекте...» сопоставляет элитарные языковые личности Г. фон Клейста и И. В. Гете в их отношении к проблемам языковой объективации картины мира и аспектам «невыразимости» существенных отношений. Ученый показывает: если Гете принимает как данность непостижимость природы, то Клейст воспринимает невыражаемость внутреннего состояния как вызов креативным потенциалам личности [65, с. 12]. Частотные средства передачи семантики невыразимого в русской романтической картине мира охарактеризованы в работе М. Ю. Михайловой [50].

В. И. Заика в «Очерках по теории художественной речи» исследует природу поэтической несказанности. Ученый, разрабатывая теорию «квантовой» подачи информации в художественном тексте (понимая квант как релевантную часть целого, по которой воссоздается изображаемый предмет), указывает на важность межквантового пространства. Помимо вербализации образа важно «молчание» слов. Именно оно обеспечивает основной эффект: «возможность дышать», которую мы трактуем как «свободу работы воображения» [23, с. 102].

Особое внимание В. И. Заика уделяет творческой позиции Ю. Буйды, специфической для прозы Ю. Буйды теме: о несказанности. Ученый анализирует необычность ситуации, изображенной в рассказе: жену Засса Елену <...>никто никогда не видел – ни живой, ни мертвой <...>. Последовательно изображаются разнообразные и безуспешные попытки населения городка узнать что-либо о Лене. Изображение в рассказе попыток персонажа отыскать простое решение тайны Лены наряду с вопрошающим недоумением жителей городка говорит о том, что дело не в решении, а в решении, в самом процессе пристального взглядывания в мир. Ставя вопрос, нужно сосредотачиваться на несказанном, думать о нем и понимать, что на поверхности объяснения не будет [23, с. 3–17]. См. о невыразимом в творчестве Ю. Буйды (М. В. Гаврилова [13]; М. Ю. Михайлова [46]).

Средства передачи семантики невыразимого в творчестве А. Грина описаны в цикле наших работ, среди которых (М. Ю. Михайлова [47], М. Ю. Михайлова [49]) и др.

Значение невыразимого в лингвистике изучается также в связи с исследованием феномена **молчания**. См. работы Н. Д. Арутюновой [7], К. А. Богданова [8], Е. П. Иванян [27], А. Н. Полянского [59] и др.

К настоящему времени исследователи осуществляют попытки описать значение невыразимого в рамках функциональной лингвистики, представить семантику невыразимого как функционально-семантическую категорию с самостоятельным планом содержания и иерархически организованной системой средств выражения, находящихся на разных уровнях языка (Иванян [27]; Сырица [72]) и др.

В работах Е. П. Иванян, Г. С. Сырицы охарактеризованы план содержания и план выражения семантики невыразимого, обозначены зоны пересечения с другими близкими понятиями (полями). Г. С. Сырица особо выделяет проблему изучения семантики невыразимого в диахроническом аспекте [72, с. 294]. Названы микрополя значения невыразимого в работе М. Ю. Михайловой [50]. Описывается синтагматика средств передачи невыразимого, взаимосвязь с другими семантическими группами в работах Г. С. Сырицы, М. Ю. Михайловой [72; 49].

Есть исследования, в которых характеризуется одно из средств передачи семантики невыразимого. Наиболее активно исследуется в этом плане местоимение. Так, Т. М. Николаева, характеризуя неопределенное местоимение *нечто*, говорит о «неперечислимом непостижимом объекте», находящемся на грани конкретности и аб-

страктности [55, с. 50–51]. В одном из параграфов диссертационного исследования Л. А. Горшковой неопределенные местоимения *нечто*, *кто-то* описаны в функции средства передачи семантики невыразимого [17].

О способности местоимений выражать семантику невыразимого говорится в работе А. Н. Моргуновой. Исследовательница отмечает, что местоимение *оно* способно передавать значение невыразимого, указывать на слишком обобщенный, размытый контекст. Тогда «пустые клетки» смысла заполняются либо гиперонимами, либо описательными оборотами, либо субстантиватом *оно*, например: *Утром вызвал слесарей, они все проверили и успокоили, что ничего страшного не происходит. Так оно и капало себе потихоньку. А потом хлынул ливень* [51, с. 191].

А. Е. Куксина, исследуя прием создания лирической экспрессии в прозе Ю. Нагибина, выявляет употребление местоименных слов как средство, создающее дейкис представления, или как сигнал эмоционального умолчания: *Ведь что-то происходило на вокзале, и в вагоне электрички, и по пути на лыжную базу, и на самой базе, и в походе. И я что-то чувствовал, мне было и хорошо, и радостно, и смутно, и тревожно; Какой-то трамвай-призрак!* Исследовательница отмечает, что эмфатические конструкции, местоимения на *-то*, относительные и указательные местоимения создают эстетический эффект «невыразимого» и предельную эмоциональность и открытость повествователя: *Я был какой-то другой, старше, что ли. Я не знал себя такого. Верно, этому, другому, мир должен открывать свои секреты, загадывать трудные загадки. Этому, другому, уже не дано скользить мимо грозных тайн: хочу ли я того или не хочу, мне придется приспособливаться к ним свою душу, потому что это и есть жизнь – умение ступить по своему вчерашнему сердцу* [38, с. 88].

Местоимения как средства передачи семантики невыразимого описаны в работе М. Ю. Михайловой «Местоимения как средство передачи семантики невыразимого» [48]. Уровневая организация значения невыразимого, грамматические средства передачи этого значения представлены в работах Г. С. Сырицы, М. Ю. Михайловой [72; 49].

В целом, осуществленный нами обзор истории изучения невыразимого показал сложность анализируемого феномена, его универсальный характер, философские основания, изучение невыразимого различными науками и в разных исследовательских парадигмах, широкую представленность семантики невыразимого в дискурсе, значительную разработанность невыразимого в литературоведении, активный интерес к семантике невыразимого в лингвопоэтике.

Что касается исследования невыразимого как самостоятельной функционально-семантической категории, то можно сказать, что в этом направлении сделаны первые шаги: 1) в нескольких работах признан статус семантики невыразимого как самостоятельной функционально-семантической категории; 2) показана иерархическая природа плана выражения этого значения; 3) назван ряд средств передачи семантики невыразимого. Однако определены и охарактеризованы далеко не все средства плана выражения данной категории. Некоторые из названных средств об-

ладают спорным характером. Так, о способности оксюморона быть средством передачи семантики невыразимого, как представляется, корректнее говорить применительно к функциональной семантико-стилистической категории, но не по отношению к функционально-семантической категории.

Недостаточно определен характер взаимоотношений между разными составляющими план выражения анализируемого значения. Названы не все микрополя, не все сферы функционирования. В частности, нет указания на то, что семантика невыразимого активно представлена в Интернет-коммуникации, между тем это так. Наше пилотное исследование Интернет-коммуникации показало представленность невыразимого в демотиваторах, в наборе эмотиконов, предлагаемых скайпом, программами для электронных писем.

Ждет конкретизации проблема философского онтологического основания семантики невыразимого, учета традиции апофатики, признания противопоставления тварного мира и мира инобытия.

Обозначен, но не исследован вопрос интернационального характера категории невыразимого. Между тем очевидно, что семантика невыразимого, будучи понятийной категорией, располагает средствами передачи в различных языках. Иллюстрацией сказанного может служить интернационализм *невыразимые*, употребляемый для эвфемистического обозначения панталон, кальсон. «Невыразимые», появившиеся в русском литературном языке второй четверти XIX в., соответствуют англицизму *inexpressible* [64, с. 233]. Доказательствами интернационального характера семантики невыразимого являются 1) сопоставления Г. С. Сырица в английском, немецком и латышском языках [72, с. 294]; 2) репрезентация оксюморона *выразить невыразимое* в теории и практике немецких романтиков, в греческой традиции апофатики.

Итог обзора таков: до настоящего времени нет ни одного специального исследования, посвященного изучению невыразимого, в русистике и шире – в лингвистике; проблема изучения семантики невыразимого находится на стадии накопления материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова В. И. Невыразимо, но выражено (о специфике мотива «невыразимого» в лирике А. А. Фета) // Текст в зеркале лингвистического и литературоведческого анализа: мат-лы научн. чтений, посв. 100-летию проф. М. П. Николаева. Тула, 2004. С. 3–7.
- Абрамова В. И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В. А. Жуковского к К. К. Случевскому: дис. ... канд. филол. н. М., 2007. 233 с.
- Азарова Н. М. URL: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=poet_gram_ajgi (дата обращения: 21.05.2015).
- Азбукина А. В. Особенности употребления природных образов-символов в поэзии А. Фета (к вопросу о романтической традиции) // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: Казанск. гос. ун-т, 2004. С. 295–300.
- Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М.: изд. товарищества МРЪ, 1917. 52 с.
- Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Языки русской культуры. 1994. С. 106–113.
- Бабенко Н. Г. Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна. СПб: изд-во СПбГУ, 2007. 410 с.
- Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания: Homo Tacens. СПб: изд-во Русского христианского гуманитарн. ин-та, 1998. 352 с.
- Брунева Ю. А. Мотив в системе автокоммуникации в лирике М. Ю. Лермонтова (слово, молчание, взгляд): автореф. дис. ... канд. филол. н. Барнаул, 2004. 21 с.
- Бухштаб Б. Я. Фет // История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 8. Литература шестидесятых годов. Ч. 2. С. 247–260.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. М., 1958 (2009). 133 с.
- Воротникова А. Выразимое и невыразимое в творчестве И. Бахман // Балтийский филологический курьер. 2009. №7. С. 330–338.
- Гаврилова М. В. Никто, ничто и кто угодно: «апофатика» Ю. Буйды // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М., 2009. С. 297–305.
- Глушкова М. А. Философская лирика Афанасия Фета: проблематика, поэтика, жанровое своеобразие: дис. ... канд. филол. н. Нижний Новгород, 2010. 172 с.
- Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб, 1997. 340 с.
- Гончарова О. М. Поэзия В. А. Жуковского и русская лирика XIX–XX веков: *наследие и наследники* в пространстве смыслов и текстов // Филология и человек. Выпуск №1. 2009. Воронеж. С. 76–91.
- Горшкова Л. А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б. К. Зайцева: автореф. дис. ... канд. филол. н. Уфа, 2005. 24 с.
- Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. 464 с.
- Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Худ. лит., 1965. 356 с.
- Жилыкова Э. М. О философской природе лирике В. А. Жуковского // Художественное творчество и литературный процесс. Томск. Вып. IV, 1982. С. 112–128.
- Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб: Аксиома, 1996. 230 с.
- Журавлева А. И. Стихотворение Тютчева «Silentium!» (К проблеме «Тютчев и Пушкин») // Замысел, труд, воплощение. М., 1977. С. 180–190.
- Заика В. И. Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород: Новг. гос. ун-т, 2006. 407 с.
- Засыпкин А. Заведомо невыразимое // Юность. 2014. №5 (700). С. 108–109.
- Зунделович Я. О. Эпюды о лирике Тютчева. Самарканд, 1971. 167 с.
- Иванов Вяч. Заветы символизма // Собрание сочинений: В 4 т. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 588–603.
- Иванюк Б. П. «О чем ты воешь, ветер ночной?» Ф. И. Тютчева: версия прочтения // Литературоведческий сборник. Донецк: ДонГУ, 2003. Вып. 15–16. С. 85–91.
- Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2015. 307 с.
- Ипполитова А. Ю. Случевский: философия, поэтика, интерпретация. СПб: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. 320 с.
- Карасик В. И. Эпиномы как смысловые образования // Концептуальные исследования в современной лингвистике: Сб. ст. СПб-Горловка: изд-во ГГПИИЯ, 2010. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 12. С. 45–53.
- Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с.
- Касаткина В. Н. «Здесь сердцу будет приятно». Поэзия В. А. Жуковского. М.: Община, 1995. 182 с.
- Касаткина В. Н. Движение художественного мировидения А. А. Фета // Русская словесность. 1996. №4. С. 10–18.
- Колесов В. В. Классификация ментальных исследований языка с позиции философского реализма // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сборник статей. СПб-Горловка: изд-во ГГПИИЯ, 2010. (Серия «Концептуальные исследования»). Вып. 12). С. 5–19.
- Кондаков И. В. «Образ мира, в слове явленный: Волны литературоцентризма в истории русской культуры // Циклические ритмы в истории, культуре и искусстве. М.: Наука, 2004. С. 229–293.

36. Королева Н. В. Ф. Тютчев «Silentium!» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 147–159.
37. Костикова О. И. Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестник Московского ун-та. Вып. №3. 2010. С. 41–53.
38. Куксина А. Е. Языковые приемы создания лирической экспрессии авторского повествования в автобиографической прозе Ю. М. Нагибина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». М., 2007. Вып. 3. С. 87–91.
39. Лукинова А. Р. Развитие представлений о «невывразимом» в творчестве А. А. Фета // Филология: Портал психологических изданий. М.: МГППУ, 2010. С. 33–48.
40. Лукинова А. Р. Мотивно-тематический аспект эволюции лирики А. А. Фета (образ звезды): автореф. дис. ... канд. филол. н. СПб, 2014. 23 с.
41. Маймин Е. А. О русском романтизме. М., 1975. 240 с.
42. Маймин Е. А. Русская философская поэзия. Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. М.: Наука, 1976. 192 с.
43. Маймин Е. А. Афанасий Афанасьевич Фет. М.: Просвещение, 1989. 157 с.
44. Манн Ю. В. «Невыразимое» Жуковского // Поэтика русского романтизма. М.: АН СССР, 1976. 371 с.
45. Маркова В. В. Поэтика безмолвия в русской литературе 1820 – начала 1840 годов (от «невывразимого» В. А. Жуковского к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя): автореф. дис. ... канд. филол. н. Тюмень, 2005. 16 с.
46. Минц З. Г. Избранные труды: В 3 кн. Кн. 2. Поэтика русского символизма: Блок и русский символизм. СПб., 2004. 480 с.
47. Михайлова М. Ю. Значение невыразимого в малой прозе Ю. Буйды // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Сб. мат-лов XII Междунар. научно-практ. конф. Тольятти: Волжск. ун-т им. В. Н. Татищева, 2015. Принята к печати.
48. Михайлова М. Ю. Лексема невыразимое и ее дериваты в прозе А. Грина // Перспективы развития науки и образования: В 8 ч. М.: АР-Консалт, 2015. С. 109–115.
49. Михайлова М. Ю. Местонаимения как средство передачи семантики невыразимого // Инновационные процессы современности: Сб. мат-лов Междунар. научно-практ. конф. Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2014. С. 149–153.
50. Михайлова М. Ю. Отрицательные определения как способ передачи семантики невыразимого в творчестве А. Грина // ТГУ, 2015. Принята к печати.
51. Михайлова М. Ю. Частотные средства передачи семантики невыразимого в русской романтической картине мира // Современная наука: теоретический и практический взгляд: Сб. научн. трудов I Междунар. научно-практ. конф. М.: Перо, 2014. С. 121–127.
52. Моргунова А. А. Обзор оттенков значения местоименного субстантивата *оно* в русском дискурсе начала XXI в. // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: мат-лы восьмой междунар. научно-практ. конф. Самара: ПГСГА, 2013. С. 189–192.
53. Мосалева Г. В. Проблема невыразимого и категория иконичности в рассказе И. С. Шмелева «Куликово поле» // Вестник Удмуртского ун-та. 2012. Вып. 4. История и филология. С. 33–37.
54. Нагорная А. Дискурс невыразимого. Вербалика внутри телесных ощущений. М.: Ленан, Эдиториал УРСС, 2014. 320 с.
55. Невывразимо выразимое. Экфразис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. М.: Новое Литературное Обозрение, 2013. 512 с.
56. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М., 1985. 169 с.
57. Озеров Л. Поэзия Тютчева. М.: Худ. лит., 1975. 112 с.
58. Пигарев К. В. Жизнь и творчество Тютчева. М.: АН СССР, 1962. 376 с.
59. Пименова М. В. Категоризация эмоций в наивной картине мира как отражение русской ментальности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63). 2011. №4. Ч. 2. С. 352–360.
60. Полянский А. Н. Формы и функции неизреченного в текстах художественной литературы // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1990. №2. С. 54–62.
61. Поэзия немецких романтиков. М., 1985. 527 с.
62. Прохорова Т. Г. Постмодернизм в русской прозе. Казань, 2005. 96 с.
63. Ранчин А. М. Предназначение поэта и тема невыразимого в лирике А. А. Фета URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/39002.php> (дата обращения: 29.04.2015).
64. Саводник В. Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. 211 с.
65. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 474 с.
66. Серебряков А. А. Романтический текст в лингвопоэтическом аспекте (на мат-ле художественной прозы и метапоэтик Г. фон Клейста): автореф. дис. ... д-ра филол. н. Ростов-н/Д, 2010. 49 с.
67. Синцов Е. В. Художественное философствование в русской литературе XIX в. Казань: Мирас, 1998. 98 с.
68. Синцов Е. В. Природа невыразимого в искусстве и культуре. Казань: Фэн, 2003. 304 с.
69. Смолина Н. Ю. Семантика мотива «дыхание» в контексте оппозиции «живое / мертвое» в лирике А. Блока // Мир науки, культуры, образования. 2014. №3 (46). Филология. Разд. 3. С. 256–259.
70. Соболев Л. И. Жизнь и поэзия Фета // Литература. 2004. №38. URL: <http://lit.1september.ru/2004/38/12.htm> (дата обращения: 28.04.2015).
71. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремова: В 3 т. Т. 2. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2005.
72. Стечкин Н. Я. К. К. Случевский как поэт незримого // Русский вестник. 1904. №11. С. 360–371.
73. Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: МГОУ, 2009. С. 294–295.
74. Тахо-Годи Е. А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне. СПб, 2000. 400 с.
75. Тернова Т. А. ОБЭРИУ: история, эстетическая практика (проект главы учебного пособия «История русской литературы XX в.») // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Научн. вестник Воронежского гос. архитектурно-строит. ун-та. 2014. Вып. №12. С. 64–73.
76. Топоров В. Н. Поэтика Жуковского: Об источниках стихотворения «Невыразимое» // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1977. V. 1. P. 40–50.
77. Фридендер Г. М. Спорные и очередные вопросы изучения Жуковского // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 5–31.
78. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М.: Худ. лит., 1985. 447 с.
79. Эпштейн М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 559 с.
80. Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. 600 с.
81. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопозтики русской литературы XVIII–XIX вв. М., 1999. 448 с.
82. Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: 1985. 288 с.
83. Derrida Ja. Doctor honoris causa Universitatis Silesiensis. Katowice, 1997.
84. Kita M. Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyrażonego // Stylistyka XI. 2002. Opole, 2002. S. 101–119.
85. Korolko M. Sztuka retoryki. Przewodnik encyklopedyczny. Warszawa, 1990.
86. Meschonnic H. Poétique du traduire. Editios Verdier, 1999. 468 p.

Поступила в редакцию 22.05.2015 г.

SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE STUDIES: TOPICAL ISSUES

© M. Yu. Mikhailova

*Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
65/67 M. Gorky St., 443099 Samara, Russia.*

Phone: +7 (846) 269 64 19.

Email: marinamikhailova44@gmail.com

The review of history studying of inexpressible in different sciences and various research paradigms and definition of actual prospects of further research of the called value are represented in the article. Inexpressible draws attention of philosophers, art critics, semiologists, literary critics, linguists. It is shown that inexpressible is mostly developed in literary criticism, especially at the characteristic of the romanticism in literature and the phenomena that are crossed with romanticism. In literature, the inexpressible is most extensively presented in poetry. Among the literary directions – in romanticism, modernism, symbolism, postmodernism. In linguistics, this value is studied in semasiology, cognitive linguistics, cultural linguistics, ethnocultural aspect. The value of inexpressible is actively studied in connection with research of the phenomenon of significant silence. In the article, the characteristic of semantics of inexpressible as independent functional and semantic category is given; it is shown that now the hierarchical nature of the plan of expression of this category is approved, its transference means are defined. The greatest presentation was received by pronouns as a mean of transmission of inexpressible. The review of topical issues of semantics of inexpressible studies showed that the matter is at a material accumulation stage in linguistics.

Keywords: *inexpressible, functional and semantic category, functional and semantic value, semantic field.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Abramova V. I. *Tekst v zerkale lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo analiza: mat-ly nauchn. chtenii, posv. 100-letiyu prof. M. P. Nikolaeva.* Tula, 2004. Pp. 3–7.
2. Abramova V. I. *Motiv «nevyrazimogo» v russkoi romanticheskoi kartine mira: ot V. A. Zhukovskogo k K. K. Sluchevskomu: dis. ... kand. filol. n. Moscow, 2007.*
3. Azarova N. M. URL: http://natalia-azarova.com/cgi-bin/index.pl?p=poet_gram_ajgi (data obrashcheniya: 21.05.2015).
4. Azbukina A. V. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvokul'turologicheskii aspekt.* Kazan': Kazansk. gos. un-t, 2004. Pp. 295–300.
5. Aikhenval'd Yu. *Siluety russkikh pisatelei [Silhouettes of Russian writers].* Moscow: izd. tovarishchestva MIR", 1917.
6. Arutyunova N. D. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk rechevykh deistvii.* Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. 1994. Pp. 106–113.
7. Babenko N. G. *Lingvopoetika russkoi literatury epokhi postmoderna [Lingua-poetics of Russian literature of the postmodern era].* Saint Petersburg: izd-vo SPbGU, 2007.
8. Bogdanov K. A. *Ocherki po antropologii molchaniya: Homo Tacens [Essays on the anthropology of silence: Homo Tacens].* Saint Petersburg: izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitam. in-ta, 1998.
9. Bruneva Yu. A. *Motiv v sisteme avtokommunikatsii v lirike M. Yu. Lermontova (slovo, molchanie, vzglyad): avtoref. dis. ... kand. filol. n. Barnaul, 2004.*
10. Bukhshtab B. Ya. *Fet. Istoriya russkoi literatury. M.; Leningrad, 1956. Vol. 8. Literatura shestidesyatykh godov. Pt. 2. Pp. 247–260.*
11. Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat [Logical-philosophical treatise] / Obshch. red. i predisl. V. F. Asmusa.* Moscow, 1958 (2009).
12. Vorotnikova A. *Baltiiskii filologicheskii kur'er.* 2009. No. 7. Pp. 330–338.
13. Gavrilova M. V. *Logicheskii analiz yazyka. Assertsiya i negatsiya.* Moscow, 2009. Pp. 297–305.
14. Glushkova M. A. *Filosofskaya lirika Afanasiya Feta: problematika, poetika, zhanrovoye svoeobrazie: dis. ... kand. filol. n. Nizhniy Novgorod, 2010.*
15. Goncharov S. A. *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste [Gogol's art in the religious-mystical context].* Saint Petersburg, 1997.
16. Goncharova O. M. *Poeziya V. A. Filologiya i chelovek. Vypusk No. 1. 2009. Voronezh. Pp. 76–91.*
17. Gorshkova L. A. *Semantika i funktsii neopredelennykh mestoimenniy v proze B. K. Zaitseva: avtoref. dis. ... kand. filol. n. Ufa, 2005.*
18. Grekhnev V. A. *Mir pushkinskoi liriki [The world of Pushkin's lyrics].* Nizhniy Novgorod, 1994.
19. Gukovskii G. A. *Pushkin i russkie romantiki [Pushkin and Russian romanticists].* Moscow: Khud. lit., 1965.
20. Zhilyakova E. M. *Khudozhestvennoe tvorchestvo i literaturnyi protsess. Tomsk. Vyp. IV, 1982. Pp. 112–128.*
21. Zhirmunskii V. M. *Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika [German romanticism and modern mysticism].* Saint Petersburg: Aksioma, 1996.
22. Zhuravleva A. I. *Zamysel, trud, voploshchenie.* Moscow, 1977. Pp. 180–190.
23. Zaika V. I. *Ocherki po teorii khudozhestvennoi rechi [Essays on the theory of artistic speech].* Velikiy Novgorod: Novg. gos. un-t, 2006.
24. Zasyupkin A. *Yunost'. 2014. No. 5 (700). Pp. 108–109.*
25. Zundelovich Ya. O. *Etyudy o lirike Tyutcheva [Studies on the Tyutchev's lyrics].* Samarkand, 1971.
26. Ivanov Vyach. *Zavety simvolizma. Sbranie sochinenii: V 4 t. Bryussel', 1974. Vol. 2. Pp. 588–603.*
27. Ivanyuk B. P. *Literaturovedcheskii sbornik. Donetsk: DonGU, 2003. No. 15–16. Pp. 85–91.*
28. Ivanyan E. P. *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke [The semantics of withhold and the means of its expression in the Russian language]. 2-e izd. Moscow: FLINTA, 2015.*
29. Ippolitova A. Yu. *Sluchevskii: filosofiya, poetika, interpretatsiya [Sluchevsky: philosophy, poetics, interpretation].* Saint Petersburg: Filol. f-t SPbGU, 2006.
30. Karasik V. I. *Kontseptual'nye issledovaniya v sovremennoi lingvistike: Sb. st. SPb-Gorlovka: izd-vo GGPIIYa, 2010. Seriya «Kontseptual'nye issledovaniya». No. 12. Pp. 45–53.*
31. Karaulov Yu. N. *Russkii assotsiativnyi slovar'. V 2 t. T. I. Ot stimula k reksii: Ok. 7000 stimulov [Russian associative dictionary. In 2 volumes. Vol. I. From stimulus to response: near 7000 of stimuli].* Moscow: AST-Astrel', 2002.
32. Kasatkina V. N. *«Zdes' serdtsu budet priyatno». Poeziya V. A. Zhukovskogo [“Here the heart would be in pleasure”. Poetry by V.A. Zhukovsky].* Moscow: Obshchina, 1995.
33. Kasatkina V. N. *Russkaya slovesnost'. 1996. No. 4. Pp. 10–18.*

34. Kolesov V. V. Kontseptual'nye issledovaniya v sovremennoi lingvistike: sbornik statei. SPb-Gorlovka: izd-vo GGPIYa, 2010. (Seriya «Kontseptual'nye issledovaniya». No. 12). Pp. 5–19.
35. Kondakov I. V. Tsiklicheskie ritmy v istorii, kul'ture i iskusstve. Moscow: Nauka, 2004. Pp. 229–293.
36. Koroleva N. V. F. Poeticheskie stroi russkoi liriki. Leningrad, 1973. Pp. 147–159.
37. Kostikova O. I. Vestnik Moskovskogo un-ta. Vyp. No. 3. 2010. Pp. 41–53.
38. Kuksina A. E. Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya». Moscow, 2007. No. 3. Pp. 87–91.
39. Lukinova A. R. Filologiya: Portal psikhologicheskikh izdaniy. Moscow: MGPPU, 2010. Pp. 33–48.
40. Lukinova A. R. Motivno-tematicheskii aspekt evolyutsii liriki A. A. Feta (obraz zvezdy): avtoref. dis. ... kand. filol. n. Saint Petersburg, 2014.
41. Maimin E. A. O russkom romantizme [On the Russian romanticism]. Moscow, 1975.
42. Maimin E. A. Russkaya filosofskaya poeziya. Poety-lyubomudry, A. S. Pushkin, F. I. Tyutchev [Russian philosophical poetry. Wisdom-loving poets: A. S. Pushkin, F. I. Tyutchev]. Moscow: Nauka, 1976.
43. Maimin E. A. Afanasii Afanas'evich Fet [Afanasy Afanasyevich Fet]. Moscow: Prosveshchenie, 1989.
44. Mann Yu. V. Poetika russkogo romantizma. Moscow: AN SSSPp. 1976.
45. Markova V. V. Poetika bezmolviya v russkoi literature 1820 – nachala 1840 godov (ot «nevyrazimogo» V. A. Zhukovskogo k «Mertvym dusham» N. V. Gogolya): avtoref. dis. ... kand. filol. n. Tyumen', 2005.
46. Mints Z. G. Izbrannye trudy: V 3 kn. Kn. 2. Poetika russkogo simvolizma: Blok i russkii simvolizm [Selected works: In 3 volumes. Vol. 2. Poetics of Russian symbolism: Blok and Russian symbolism]. Saint Petersburg, 2004.
47. Mikhailova M. Yu. Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki: Sb. mat-lov KhII Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Tol'yatti: Volzhsk. un-t im. V. N. Tatishcheva, 2015. Prinyata k pečati.
48. Mikhailova M. Yu. Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya: V 8 ch. Moscow: AR-Konsalt, 2015. Pp. 109–115.
49. Mikhailova M. Yu. Innovatsionnye protsessy sovremennosti: Sb. mat-lov Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Ufa: RIO MTsII OMEGA SAINS, 2014. Pp. 149–153.
50. Mikhailova M. Yu. TGU, 2015. Prinyata k pečati.
51. Mikhailova M. Yu. Sovremennaya nauka: teoreticheskii i prakticheskii vzglyad: Sb. nauchn. trudov I Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Moscow: Pero, 2014. Pp. 121–127.
52. Morgunova A. A. Vyshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: mat-ly vos'moi mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Samara: PGSGA, 2013. Pp. 189–192.
53. Mosaleva G. V. Vestnik Udmurt-skogo un-ta. 2012. No. 4. Istoriya i filologiya. Pp. 33–37.
54. Nagornaya A. Diskurs nevyrazimogo. Verbalika vnutri telesnykh oshchushchenii [Discourse of inexpressible. Verbalizing of intracorporeal sensations]. Moscow: Lenan, Editorial URSS, 2014.
55. Nevyrazimo vyrazimoe. Ekfrazis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste [Inexpressibly expressible. Ecphrasis and problems of visual representation in a literary text]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2013.
56. Nikolaeva T. M. Funktsii chastits v vyskazyvanii [Functions of particles in a statement]. Moscow, 1985.
57. Ozerov L. Poeziya Tyutcheva [Tyutchev's poetry]. Moscow: Khud. lit., 1975.
58. Pigarev K. V. Zhizn' i tvorchestvo Tyutcheva [Life and work of Tyutchev]. Moscow: AN SSSPp. 1962.
59. Pimenova M. V. Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii». Vol. 24 (63). 2011. No. 4. Pt. 2. Pp. 352–360.
60. Polyanskii A. N. Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki. 1990. No. 2. Pp. 54–62.
61. Poeziya nemetskikh romantikov [Poetry of German romanticists]. Moscow, 1985.
62. Prokhorova T. G. Postmodernizm v russkoi proze [Postmodernism in Russian prose]. Kazan', 2005.
63. Ranchin A. M. Prednaznachenie poeta i tema nevyrazimogo v lirike A. A. Feta URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/39002.php> (data obrashcheniya: 29.04.2015).
64. Savodnik V. F. Chuvstvo prirody v poezii Pushkina, Lermontova i Tyutcheva [The sense of nature in the poetry of Pushkin, Lermontov, and Tyutchev]. Moscow, 1911.
65. Senichkina E. P. Slovar' evfemizmov russkogo yazyka [Dictionary of euphemisms of Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka, 2008.
66. Serebryakov A. A. Romanticheskii tekst v lingvopoeticheskom aspekte (na mat-le khudozhestvennoi prozy i metapoetik G. fon Kleista): avtoref. dis. ... d-ra filol. n. Rostov-n/D, 2010.
67. Sintsov E. V. Khudozhestvennoe filosofstvovanie v russkoi literature XIX v. Kazan': Miras, 1998.
68. Sintsov E. V. Priroda nevyrazimogo v iskusstve i kul'ture. Kazan': Fen, 2003.
69. Smolina N. Yu. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2014. No. 3 (46). Filologiya. Razd. 3. Pp. 256–259.
70. Sobolev L. I. Zhizn' i poeziya Feta. Literatura. 2004. No. 38. URL: <http://lit.1september.ru/2004/38/htm>
71. Sovremennyye tolkovyye slovar' russkogo yazyka T. F. Efremova: V 3 t. Vol. 2. Moscow: AST, Astrel', Kharvest, 2005.
72. Stech'kin N. Ya. K. K. Russkii vestnik. 1904. No. 11. Pp. 360–371.
73. Syritsa G. S. Slavyanskyye yazyki i kul'tury v sovremennom mire. Moscow: MGOU, 2009. Pp. 294–295.
74. Takho-Godi E. A. Konstantin Sluchevskii. Portret na pushkinskom fone [Portrait on Pushkin background]. Saint Petersburg, 2000.
75. Ternova T. A. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Nauchn. vestnik Voronezhskogo gos. arkhitekturno-stroitel'nogo un-ta. 2014. Vyp. No. 12. Pp. 64–73.
76. Toporov V. N. Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1977. V. 1. Pp. 40–50.
77. Fridlender G. M. Zhukovskii i russkaya kul'tura. Leningrad, 1987. Pp. 5–31.
78. Chicherin A. V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya [Essays on the history of Russian literary style]. Moscow: Khud. lit., 1985.
79. Epshtein M. N. Slovo i molchanie: Metafizika russkoi literatury [Word and silence: Metaphysics of Russian literature]. Moscow: Vysshaya shkola, 2006.
80. Etkind E. G. Bozhestvennyi glagol: Pushkin, pročitannyi v Rossii i vo Frantsii [The divine speech: Pushkin read in Russia and in France]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1999.
81. Etkind E. G. «Vnutrennii chelovek» i vneshnyaya rech': Ocherki psikhopoetiki russkoi literatury KhVIII–XIX vv. [“Internal human” and external speech: Essays on psycho-poetics of Russian literature of the 18th-19th centuries]. Moscow, 1999.
82. Yanushkevich A. S. Etapy i problemy tvorcheskoi evolyutsii V. A. Zhukovskogo [The stages and challenges of the creative evolution of V. A. Zhukovsky]. Tomsk: 1985.
83. Derrida Ja. Doctor honoris causa Universitatis Silesiensis. Katowice, 1997.
84. Kita M. Stylistyka KhI. 2002. Opole, 2002. Pp. 101–119.
85. Korolko M. Sztuka retoryki. Przewodnik encyklo-pedyczny. Warszawa, 1990.
86. Meschonnic H. Poétique du traduire. Editiois Verdier, 1999.

Received 22.05.2015.